

"Знамя юности".

г. Минск

ГАСТРОЛИ.

ЭТИ ГОСТИ в Минске первые. О тебе же мы знаем. Гарвардского в Кубышеве многие у нас знают лишь помаленьку. Но слова у него—дороги: замечательные актеры, главный режиссер — Петр Львович Монастырский — многолетний талантливый аге руководитель и превосходный постановщик большинства спектаклей. Мы знаем, что волжане давно любят свой театр, которому и страдают — первые спектакли давались в Самаре в 1851 году, — и позднее лет в 1930-х, в годы приезда кинематографистов из Сибири и Самары Николаем Симоновым — с этих дней надел свое патосное платье театр имени М. Горького.

Но вот мы приходим в зал, открытаются занавесы — и выходящие на сцену актеры все разны для нас: ярко радостны и разочарованы, еще предстают. В этом есть особенная прелесть — узлиться актеров нечего, так сказать, без видимой гарочки талеведения и книжки, когда они разражаются аплодисментами увидеть знакомого почитателя здесь, на сцене.

Но есть у нас, жителей Белоруссии, особый свет и вожделен — свет благодарности. В夏天 1941 году тысячи наших земляков, спасаясь от фашистского нашествия, сбежались в города и села Погорелье. Среди них больше было было детей, стариков, женщин,

сирот, и вдохнуть им до конца жизни, превратив в сплошную же жадную суету. Тонкими штрихами выражены эти актеры, легко можно представить и поэзию Касиля на золоте, и последующую судьбу Наташи...

Собирались мужики у старого Селивана (С. Пономарев) потешиться, поразмыслить — уже не над хозяйственными делами, под тем, что идет всем, все страну. Понятным и земле, трахе, кому не даром — ни один вовсе, убивать...

Но есть у Селивана старинная книга, толкающая имена, и скажется, что этим из названий имеют воззвание знамениты: например, вот Касиль — он шелопоц, ее свет, мост, в шапке, дядя ляжки, до тряски. А когда выпадает Селиван с своей георгиевской крест — Карпаты в первую мировую, когда где с прибаукой, а где сурок рассказывает о своей войне, — скажут с ним напряженнойвойни — тряска, но тоже работа, которую надо перенести, делать хорошо и в полную силу. И с этой — тащатся...

В этом спектакле, открывшем гастроли, мы познакомимся и принесем всей душой Ивана Морозова и Наталью Родольину. Когда Наташа прочитала мужу светлую предыдущую письмо — с собою, когда Касиль, вмущая и торопясь, откладывает письмо ее близким, — превозмочь страхи и боли передадутся в зал. И когда Наташа в завязке выходит старые сапоги, в которых задумал Касиль,

любовь, тревога и — ужас. (Лицо Николая Михеева — с каким интересом и волнением всматриваются мы лицо Альфреда Илла в спектакле «Визит старой дамы» по пьесе Ш. Дюэрренметта, лицо человека, обретающего утраченную человечность и достоинство. Это лицо до того было фатовской расплывшейся в ухмылке физиономии наглого будничника, бодрого шута. И на наших глазах твердыми и благородными становились очертания рта, чистыми и яркими — глаза, кажется, — даже лоб сделался выше и просторнее...)

Тема «Тартюфа» не только необходима для того, чтобы захватить и не упустить внимание зрителя, в нем есть глубокий смысл: кощуримся, соглашательство с занятием — они-то и есть еще одно испытание честности. И Оргон и даже Эльмира и Маринки — все, кто не надеялся счастья с Тартюфом, словно подхватывают синий и красный флаг, который потом сваливают вниз...

В этом насыщенном спектакле так прекрасно показаны актеры, что, кажется, это Бенедикт Николай Михеев и Марина Лазарева, с графической точностью умельца Тартюфа, бенедикт Жанни Роман и его такая ироничная, умная и язвящая Эльмира, наставница — это складка чеки Любовь Альбигей — яркая, золотистая, легкая, насыщенная, обрамленная и безопасностью... И потому спектакль, это разноцветье —

ЗАМЕТКИ СО СПЕКТАКЛЕЙ КУБЫШЕВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО

ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ

и уходить, чтобы быть остаться новым, или заплывшими. (Ах, не надо бы вытеснить после этих всплесков победы позади шествовать через сцену, чтобы, видно, парушине эти всплески смыты в тонком и чистом текучем руине...).

«КУБЫШЕВСКИЕ вечера» в Минске находятся только в первом плавании, и если всплыть брызгами судьбы в творческом, то поплыть схватить это можно руки — по окончанию спектаклей — и «Узники шансона» — это сардебристый лист из старинной книги, с «Тигровой розой» Теннесси Уильямса — длинным сквозным холстом... Можно истошкоять это как наем на профессию героями: Сарифы — пропагантист в даме ее маниаками, злонечно и непоколебимо взыскивающими на героях и существах.

И здесь постановщик — тоже П. Монастырский — выходит на сцену с первой пьесой главной героини — Сарифиной, отставшей от остальных в теме и интересе личности — крупная, наординарная, в рамке ее тяжеловато-красивая — и актриса Н. Радомицкая живописует Сарифину, сонячуясь, восхищаясь, но не теряя прямого взгляда на нее. Открывается натура памфлетиста, памфлет — и памфлетчик, по-нашему прозвут — шансонистско-словацким. Мифобудущая фантазерка, сочиняющая легенды и мифы, — и трезво считающая циники труженниками. Роль для актрисы счастлива: если же есть что сказать: Радомицкая расказывает о воспоминавшемся юношестве, когда она не могла, не терпела никакого ущерба от того, что произошло под солнцем в ярости и чистоте, архангельские сорви бедлана, гротеск и мусора американских будней... Естественная превраская человеческая способность любить выдается Сарифину, стоит ее обособлено Милюковой не счаки убийственным в исполнении привыкшими к ее прелестям, и актеры — все трогательно, — и даже в зрителях вспыхивает не сиюю лихорадку, а — вспышки Русского театра только доказывает, что зажигаешь в кредит еще не бывает не разыгрывать то, что заключено в тебе, что должно и может быть воплощено в спектакле. Тем более, что исключительный разрыв неществие дает в спектакле достаточно точно. Петербургские образцы начали спектакли, жаждя блескующие из огневых миссий благородством суп, час от часу засыхающие. Присоединяя в долг формируют из них сбирающую фантазию. Благонамеренные обыватели превращаются в бродячих дельцов, способные на убийство Фарнсвортов санкционирующих его.

Благоденствие требует, чтобы они стояли убийцами, — такова его суть, и они станут, на том месте истинах, распластившись как патроты, там более, что так облагородительно «полюбить эту историю» вместе с ее виновником. И плавородное торжество, в пышном гробу.

Спектакль показывает, как три поколение кинескопаются темные истины, распластившись извественность, поправляя мораль. И толпы тому дала Клара Цеткински, миллиардерши, пудреницы, в которых все подделка, все — протез, кроме мыши.

В Учителя (Н. Кузьмин) словно спустился изведенный путь, который прошли гравици, получив предложение старой дамы. От инстинктивного чувства, что не зря, от восхищения собственной бесподобностью — в постепенном проникновении, и привыкнув к этому и здешнему, не зря, что придется платить, потом — к осточертению противника — Илла... И учитель первым торопливо поднимет руку за приговор!

В спектакле дуэль двух характеров, созданных удивительными мастерами — Верой Еришовой (Клара) и Николаем Михеевым (Илл). Еришова, кажется, с юмористической точностью и изяществом вытаскивает свою роль, — но ее трактовка свойственна размаху, широте обобщения, и непрекращаемость выдовцов. Михеев проводит героя через ад осознания того, что жизнь его была «дурацкой»; и дело тут, конечно, не в Кларе и не в его «книге»: довелось человеку задуматься, оказалось, что были вокруг него и в нем самом — пустота, а он бездумно дал толчок злоу... Это осознание придает ему не ореол героя, но достоинство, не жертвенность, но понимание и отвращение к тем, с кем всю жизнь был рядом...

Пять вечеров, пять спектаклей. Калейдоскоп лиц, возникающих ежесекундно на сцене. Многие из них останутся в памяти. А спереди еще полмесяца встреч энтузиастов, трудных и счастливых для актеров и зрителей. «И должно быть трудно». Это утверждение не менее верно для театра... «И должно быть трудно».

Лилия БРАНДОВСКАЯ.